

Я не сказал ничего такого, что не было уже сказано другими. Но истинные и справедливые слова всегда полезно повторять до тех пор, пока они не станут действенными. Из-за того, что в каждую эпоху насилие проявляется в новых формах, думающие люди должны постоянно возобновлять борьбу с ним. Ибо важное никогда не говорится достаточно часто, а правда никогда не бывает напрасной.

Стефан Цвейг

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предательство! Одна из самых скверных особенностей поведения человека, которую за всю многовековую историю человечества никому не удалось искоренить. Она, к сожалению, неистребляемая, наоборот, поразительно живуча. Недаром аксиомой бытия стало выражение: «*Вовремя предать — не предать, а предвидеть*». Почему?

Многие задавали себе этот вопрос — знаменитые и не очень, умные и не очень, но ни у кого до сегодняшнего дня нет на него ответа.

Думаю, что у предательства есть несколько черт: первое — предают, как правило, не чужие, а свои; второе — предаваемые зачастую далеко не худшие люди, то ли уровня страны, то ли уровня местного. Это те люди, которые могут, знают как и делают те вещи, которые их выделяют среди всех. И в этом их трагедия. Есть и третья черта, закономерность, — практически все, кто сталкивались с этим позорным для человечества качеством, — трудяги-пассионарии, или, как сейчас говорят, трудоголики, которые потом и кровью добивались чего-то в жизни. Четвертое — это было и есть повсюду на Земном шаре, но на территории великой страны и ее сегодняшних «осколков» предательство было всегда, но сегодня, к сожалению, его стало во много раз больше. И наконец, пятое: предательство — чисто человеческое качество. Это свойство однажды появилось на определенном этапе развития социума и присуще только людям, ибо

ни у одного вида животных, даже с социальным типом поведения, этого качества нет.

Не знаю, для чего Бог послал человечеству это испытание и допустил, что предали Его Сына, но слишком большая цена уже уплачена, а сколько еще платить придется?

Огромный труд проф. О.Е. Боброва ценен тем, что воскресают великие люди, чьими именами может гордиться Земля. В «Антологии» в который раз звучит, что *«...гладко и сладко не бывает — только Per aspera ad astra!»*.

К сожалению, рядом с именами великих людей в книге упомянуты и имена тех, кто их предал и оклеветал. Тех, кто ничего не сделал полезного в жизни. Они и здесь пристроились, чтобы их вспомнили за чужой счет. Не хочу о них говорить!

Пусть эта книга станет памятником всем достойным, кто был оклеветан. Всем, и великим и простым, кто познал эту горечь. Всем тем, кто не запятнал себя позором.

И ныне живущим, и ушедшим в Вечность.

*С уважением к читателю,
глава Ассоциации врачей г. Киева,
кандидат медицинских наук
Б.И. Паламарь*

К сожалению, нынешнее время таких примеров научной принципиальности привести не может.

* * *

Вместо эпикриза

Когда Сергей Сергеевич находился в ссылке (сначала в Бердске, а затем был переведен в Новосибирск), ему активно помогал в проведении научных исследований студент-медик Юра Наточин. Сейчас Юрий Викторович — действительный член РАН. Он живет в Санкт-Петербурге.

И вот Ю.В. Наточин совсем недавно побывал в музее института им. Н.В. Склифосовского и попросил показать кабинет С.С. Юдина.

Экскурсовод с удивлением спросила: «А кто это?»

«КРЕМЛЕВСКИЕ ВРАЧИ-УБИЙЦЫ», ИЛИ К ЧЕМУ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ «ОСОБОЕ МНЕНИЕ» ВО ВРЕМЯ КОНСИЛИУМА

Советская история намеренно затемнена и запутана, подлинных документов опубликовано крайне мало, или они труднодоступны, или имеются серьезные сомнения в 100% подлинности обнародованных исторических материалов. Даже люди, интересующиеся предметом, нередко не знакомы с элементарными фактами. До советских архивов допущены преимущественно ангажированные исследователи, изданные за последние два десятилетия труды по советской истории, как правило, имеют столь предвзятый идеологический характер (про- или антисоветский, не столь важно), что нередко решительно переходят границу тенденциозности и могут быть уверенно отнесены к сфере шизопропанды.

Иван Жуков. Последнее дело тов. Сталина

О «деле кремлевских врачей-вредителей» 1952—53 гг. опубликовано немало. В общем-то, и эта работа не содержит исторических сенсаций. Сделана лишь попытка связанного и добросовестного изложения событий с некоторыми, отличными от общепринятых, интерпретациями возникающих вопросов.

Вместе с тем в памяти почему-то постоянно возникали аналогии дела 50-х с событиями конца 30-х — *«дело профессора Плетнева»* и *«дело врачей-убийц»*.

И в 50-х и тогда — одна и та же причина *«спектаклей»* — грызня в высших эшелонах власти со сменой кадрового состава *«силовиков»*. И тогда и теперь — одна и та же *«жертвенная каста»* — *«умерщвленные неправильным лечением высшие сановники»*. И тогда и теперь — компромат для запуска процесса готовили заранее (суд над Плетневым по делу гр. Б. и — докладная врача Тимашук), после чего — пауза и только потом — шумная пропагандистская кампания с несуразными обвинениями и возмущенными отзывами общественности. И тогда и теперь — главные потери понесли все же не врачи, а *«сотрудники силовых ведомств»*.

Но есть и существенная разница. Врачам, участникам процесса 52–53-го годов однозначно «повезло» по сравнению с коллегами из 38-го года. Они почти все остались живы и даже были официально реабилитированы (не посмертно). Наверное, потому что до окончания дьявольского *«спектакля»* умер автор сценария и главный режиссер-постановщик в одном лице? Поэтому трагедию и не доиграли до финала. А если бы он не умер?

Может быть, действительно правы философы, утверждавшие, что развитие общества идет по спирали?

***

К пожару приводит только «правильно» брошенная спичка.

Из «народной мудрости»

А начиналось это «дело», как всегда, с доноса — *«письма честного врача»*, когда 29 августа 1948 года Лидия Феодосьевна Тимашук, заведующая кабинетом электрокардиографии в Кремлевской больнице, передала майору А.М. Белову, начальнику охраны А.А. Жданова, письмо для начальника Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанта Н.С. Власика. В письме она никого и ни в чем не обвиняла, а только сообщала о своем *«особом мнении и несогласии с заключением медицинского консилиума»*.

Письмо как письмо. Да мало ли пишут писем, докладных записок, объяснительных, рапортов, анонимок, да просто кляуз или доносов? Срок их жизни может быть коротким и определяться временем полета до мусорной корзины. Но не всегда. Встречаются и письма-долгожители, особенно если попадают они к *«истинному ценителю»*. Тогда бумага аккуратно подшивается в папочку... и ждет... Постепенно в эту папочку попадают и другие бумаги. Папочка толстеет и превращается в «дело».

Так и письму Тимашук историей (или творцами истории?) была уготована особенная роль долгожителя. Через 4 года ожидания его извлекли из запасников и оно сыграло роль детонатора мины, умело заложенной талантливыми саперами.

Все, что происходило в стране с 48-го по 52-й годы, оказалось как бы в тени, а в итоге в истории укоренилось мнение о том, что именно Лидия Тимашук, вынеся *«сор из избы»*, стала причиной последовавшего трагического фарса — *«дела кремлевских врачей-вредителей»*.

Так ли это на самом деле?

Неужели *органам* было достаточно одного сигнала врача (пусть даже заведующего кабинетом «элитного» учреждения) для того, чтобы развернуть широкомасштабную карательную операцию? Или Тимашук оказалась *«винтиком»* в чьем-то дьявольском сценарии? Развернулись бы те страшные события 50-х без письма?

История не имеет сослагательного наклонения. Нам многое известно о тех событиях, но, конечно, не все. Попробуем проанализировать события.

Для начала сделаем попытку ответить на вопрос: *«А зачем вообще врач Тимашук написала это письмо?»*

Ответ на этот вопрос гораздо важнее, чем кажется на первый взгляд. Подумайте. На месте Тимашук, попавшей тогда в достаточно щекотливую ситуацию, мог оказаться каждый. Кстати, может, и сегодня, особенно когда разворачивается пиаровская кампания против врачей-коррупционеров и убийц. Нынешняя ситуация небезопасна вдвойне, потому, что за последние 10–15 лет медицина из монолитной когорты профессионалов превратилась в *«серпентарий единомышленников»*, борющихся за доступ к источнику материальных благ и благосклонность *«элиты»*, а точнее *«правляющего прошарка»*. Сегодня медицина — это просто *«бизнес»*. Это не более чем связанные корпоративными интересами группировки, члены которых, непрерывно враждуя между собой, накапливают на конкурентов (а наиболее дальновидные — и друг на друга) мешки компромата, используемого при любом удобном случае. Так недалеко и до повторения истории.

Но вернемся в 1948 год. А вообще, кто такая эта врач Тимашук?

Известно, что Лидия Феодосьевна Тимашук родилась в 1898 г. в семье унтер-офицера, окончила гимназию, одновременно работая. В 1918 г. поступила на медицинский факультет Самарского университета, но в 1920 г., прервав учебу, пошла на борьбу с эпидемией тифа. Завершила образование она уже в Москве в 1926 году. С тех пор на протяжении 38 лет работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, пока ее, в конце концов, не выгнали *«пострадавшие от ее доноса»*. Обычная биография, хотя и с печальным концом. Хотя почему печальным? Доносчик наказан, справедливость восторжествовала? Но что-то остается недосказанным?

Лидия Тимашук

Профессор
П.И. Егоров

Профессор
В.Н. Виноградов

Первую попытку разобраться в ситуации с Л. Тимашук предпринял в 1999 году В. Денисов, детально изучивший хронологию событий тех лет. Точкой отсчета «дела кремлевских врачей-вредителей» следует считать 28 августа 1948 года, когда по распоряжению профессора П.И. Егорова, начальника Лечсанупра, Лидию Феодосьевну в три часа ночи вызвали на службу. Вместе с ним, а также с консультантами — академиком В.Н. Виноградовым и профессором В.Х. Василенко — она срочно вылетела на Валдай, где на правительственной даче находился заболевший секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов. Заметим, что болел он уже не первый день.

Авторитетный консилиум осмотрел пациента и коллегиально пришел к выводу, что ничего страшного нет, и рекомендовал продолжить назначенное лечение. Пациент и его жена (NB!) успокоились. Время шло к обеду, и был накрыт стол, естественно, как было заведено в семье Жданова, с выпивкой. Академики отобедали с женой партийного секретаря, «сняли напряжение», шутили... И тут появляется Тимашук, которая расшифровала кардиограмму и поставила диагноз «*инфаркт миокарда*». Конфуз! Жена Жданова, мягко говоря, «в недоумении». При таком диагнозе нужно что-то делать, а не трапезничать!

Естественно, что П.И. Егоров и лечащий врач Г.И. Майоров с Тимашук не согласились — «...ни-какого инфаркта нет», а имеется «*функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни*». Они настойчиво предложили Тимашук «*изменить заключение... написать осторожно*», как это сделала до нее врач С.Е. Карпай при расшифровке предыдущей кардиограммы. Консультанты В.Н. Виноградов и В.Х. Василенко также поддержали «*осторожный*» диагноз.

Врач Тимашук попала в весьма щекотливое положение. С одной стороны, перед ней был не просто больной, а второй человек в партии. С другой — *консилиум в составе ее непосредственных начальников... настаивал на подлоге документов.*

Немалое значение сыграло и то, что все действия врачей «Кремлевки» всегда контролировали сотрудники МГБ, а раз диагноз инфаркта уже про-

Профессор
В.Х. Василенко

звучал (и это было услышано, в том числе и женой Жданова!), то изменять заключение было попросту опасным. Шекотливость ситуации усиливалась тем, что она и ранее неоднократно уже снимала кардиограммы А.А. Жданову, поэтому считала, что как никто другой она могла правильно оценить их изменения в динамике. Кроме того, Тимашук была уверена в своем диагнозе. В итоге переписывать заключение она отказалась.

Даже для несведущего в медицине понятна разница между «инфарктом» и «функциональным расстройством». При инфаркте в то время назначали строжайший постельный режим на долгие месяцы лечения, а в случае со Ждановым все было с точностью до наоборот. Ему продолжали делать массаж, разрешали смотреть кинофильмы, гулять, причем постепенно усиливали интенсивность физической нагрузки. А на запрет употреблять алкоголь он, давно подверженный этому пороку, и сам «плевать хотел».

События между тем развалились трагически. Когда больной 29 августа встал, у него вновь развился тяжелый сердечный приступ. Тимашук снова вызвали на Валдай, но... *сделать кардиограмму в этот день ей не позволили по распоряжению П.И. Егорова*. Исследование почему-то перенесли на следующий день (?). Более того, Егоров (начальник Лечсанупра) в категорической форме вновь потребовал от Тимашук переписать предыдущее (вчерашнее) заключение. Она вновь не подчинилась, будучи уверена в правильности своего диагноза, тем более что больному становилось хуже.

Теперь представим себе эту ситуацию. За двое суток — перелеты консультантов самолетом из Москвы на Валдай, выяснение отношений не с «глазу на глаз», а при большом количестве участников. Эмоции, обиды, уговоры, угрозы и т.д., и т.п. Просто коррида — врач против начальников. Как вы думаете, можно ли это скрыть от окружающих, где каждый второй — сотрудник МГБ? То-то же...

Посоветовавшись с начальником охраны Жданова майором А.М. Беловым, Л. Тимашук пишет короткое письмо, излагая суть врачебных разногласий и возможные для больного роковые последствия. Майор пообещал доставить письмо своему шефу — начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанту Н.С. Власику лично в руки. В общем-то, никакого «доноса»? Как сама Л. Тимашук заявит позже, «...цель ее (письма) была спасти жизнь больного».

Вот текст письма Л. Тимашук.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ МГБ СССР Н.С. ВЛАСИКУ

28/VIII с/г. я была вызвана нач. ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А.А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с пр. Егоровым, акад. Виноградовым и пр. Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 ч. дня сделала А.А. ЭКГ, по данным которой мною диагностирован «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А.А. нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни», и предложили мне переписать заключение, не указывая на «инфаркт миокарда», а написать «осторожно», так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А.А. повторился (после вставания с постели) сердечный приступ, и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А.М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают, безусловно, тяжелое, состояние А.А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней «инфаркт миокарда», остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А.А.

29/VIII-48 г.

Передано майору Белову А.М. 29/VIII-48 г. в собственные руки.

Внимательное прочтение текста позволяет усомниться в искренности Тимашук о том, что целью письма было только сообщение о разногласиях среди членов консилиума. В письме содержались серьезные обвинения — вопреки ее заключению (кардиолога с 22-летним стажем) об остром инфаркте у Жданова три профессора и врач «в категорической форме» заставляли ее замолчать, а больного продолжали убеждать в необходимости увеличения физической нагрузки, что «может привести к роковому исходу» (?).

Требует объяснений еще один факт. Как в такой суете (на государственной даче) Тимашук находит где-то фотоаппарат (возникает мысль:

«А не стоял ли кто-то за этими событиями «в тени») и снимает фотокопию кардиограммы? (Саму кардиограмму она приложила к записке.) Кто помогал (или руководил) Тимашук? Как это понять?

А понять это можно только так. Написав письмо и сделав фотокопии пленок, она заботилась уже о себе. Она понимала, что при таком лечении Жданов умрет. И если бы она пошла на поводу у консилиума, переписала заключение, а вскрытие показало бы, что у больного был инфаркт, то все врачи (Майоров, Егоров, Виноградов) хором бы указали пальцами на нее как на виновницу. Она вовремя поняла, какая роль ей была уготована заранее. Но роль «козла отпущения» явно не нравилась Тимашук. Уроки доктора Казакова, лечившего Куйбышева, или доктора Левина, врача председателя ГПУ Менжинского (оба казнены в 1938 году), во врачебных кругах не были забыты.

Тимашук решила спасти себе жизнь.

Теперь, после письма, в случае смерти Жданова от инфаркта она могла заявить, что всех предупреждала, а если бы Власик ее записку и ленты кардиограммы уничтожил, то она бы предъявила их фотокопии.

Развязка наступила 31 августа, когда Жданов умер. Ситуация стала просто критической. Все понимали, что своей запиской Тимашук поставила как минимум на грань увольнения Егорова, Виноградова, Василенко, Майорова и самого Власика.

Все ждали результатов патологоанатомического вскрытия. И вновь все происходило как-то странно.

Станным было уже то, что разумнее всего было перевезти тело Жданова в Москву, в специализированную секционную, но вместо этого патологоанатом А.Н. Федоров приехал в санаторий на Валдай и делал вскрытие в полутемной ванной комнате.

По заведенным в то время правилам, при вскрытии тела члена политбюро обязан был присутствовать и представитель политбюро. Таким представителем на Валдай прилетел секретарь ЦК А.А. Кузнецов. Но кроме него (хотя их никто не звал) на вскрытии присутствовали Вознесенский и Попков. (Совпадение это или нет, но эта троица через два года, в 1950 году, была расстреляна за измену Родине по так называемому «ленинградскому делу»).

Вот эти «честные партийцы» и засвидетельствовали маловнятные находки Федорова — «...описание обнаруженных на сердце Жданова свежих и застарелых рубцов, свидетельствовавших о нескольких перенесенных им инфарктах». Кроме того, заключение содержало массу неопределенных и туманных формулировок («некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т.п.). Складывалось впечатление, что цель этих невнятных формулировок — скрыть острый инфаркт.

В тот же день (NB!), 31 августа, в Москве состоялся консилиум, в котором участвовали профессора В.Н. Виноградов, В.Ф. Зеленин,

А.М. Марков, В.Е. Незлин, Я.Г. Этингер и П.И. Егоров. (*Заметьте, большинство членов консилиума больного в глаза не видели.*) Ознакомившись с соответствующей клинической и патологоанатомической документацией (*это в день-то смерти, хотя известно, сколько времени занимает изготовление гистологических препаратов (!)*), а также с анатомическим препаратом сердца покойного, доставленным с Валдая на самолете, они, оставаясь верными принципам корпоративной солидарности, подтвердили правильность официального диагноза. И их вполне можно понять. Больному уже не поможешь, а с коллегами — дальше жить и работать... Сталину доложили, что Жданов умер не от инфаркта, а от *«паралича болезненно измененного сердца при явлении острого отека легких?»*.

Совсем недавно Г.В. Костырченко в архивах КГБ обнаружил письмо академика В.Н. Виноградова для Берии, датированное 27 марта 1953 года, т.е. после смерти Сталина. Академик сообщил: *«Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой»*. Ретроспективный анализ кардиограмм, проведенный профессором В.Е. Незлиным в те же годы, *подтвердил диагноз Тимашук*.

Но это было потом. К тому же неизвестно, каким «способом» служба Лаврентия Павловича добилась этих показаний. Кроме того, незаангажированность В.Н. Виноградова вызывает сомнения. Он на протяжении многих лет был экспертом, доверенным лицом судебных органов, поэтому *«его объективность колебалась в соответствии с требованиями политического момента»*. Фактически он давал заключения судам, какой врач преступник, а какой — нет. Еще в 1938 году он был членом экспертной комиссии врачей, по заключению которой суд приговорил к расстрелу Левина и Казакова, а учителю Виноградова, профессору Плетневу, дал 25 лет лишения свободы. А о скольких судах мы просто не знаем? Тогда он не помнил о словах из Нагорной проповеди Христа: *«Не судите, да не судимы будете» (Матф., 7.1)*.

Но вернемся к теме. Логика решений консилиумов понятна — естественное желание скрыть допущенную ошибку, так сказать, корпоративно защитить честь врачей... нет, не халатов, а мундиров медицинских чиновников. И это удалось.

Но есть еще и несогласная Тимашук. С ней-то как быть? Уже появились слухи, что она секретный сотрудник (сексот) *органов*. Тем более что письмо Лидии Феодосьевны попало-таки к адресату, генералу Власику, и было им прочитано. Но Власик отправил ее *«донос»* в Лечсанупр Кремля, тому самому Егорову, на которого он фактически был написан. Этот момент следует отметить особо. Этот момент снимает с Тимашук обвинение в том, что она была *«штатная стукачка МГБ»*. Если бы *«письмо»* поступило действительно от *«сексота»*, то оно считалось бы *«служебно-оперативной информацией»*, которая не подлежит разглашению, тем

более — передаче тому, на кого эта информация поступила. А «органы» любой страны *«никогда не сдают информаторов»*. Агентурой дорожат. Иначе это не «органы».

Как бы то ни было, но 4 сентября начальник Лечсанупра Егоров вызвал автора письма «на ковер» и в присутствии главврача Кремлевской больницы В.Я. Брайцева отчитал: *«Что я вам сделал плохого? На каком основании вы пишете на меня документы? Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому ваш документ мне возвратили. Мне верят, а вот вы, какая-то Тимашук, не верите мне и высокопоставленным консультантам с мировым именем. Идите и подумайте»*.

Еще через два дня Егоров созвал совещание, где присутствовали Виноградов, Василенко, Майоров, патологоанатом Федоров и Тимашук. Цель — сделать окончательные выводы о причине смерти Жданова и (внимание!) *«...научить, как надо вести себя в подобных случаях»*. То есть начальник Лечсанупра имел в виду, что *«возможны и впрямь медицинские ошибки?»*. Да, хорошая перспектива для пациентов «Кремлевки»... Тут же Егоров поведал присутствующим о «жалобе» Тимашук, назвав ее *«чужим, опасным человеком»*. На следующий день она узнала, что ее изгоняют из больницы, то есть переводят в филиал поликлиники. С позором, понижением в должности и уменьшением оклада.

Вот в этом-то и была большая ошибка медицинских чиновников. Даже *«кролик, загнанный в угол, — кусается»*. Униженное самолюбие искало выхода.

И... возмущенная Тимашук пишет обо всех событиях, начиная с 28 августа, секретарю ЦК А.А. Кузнецову.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. А.А. КУЗНЕЦОВУ

28/VIII с/г по распоряжению начальника Лечебно-санитарного управления Кремля, я была вызвана и доставлена на самолете к больному А.А. Жданову для снятия электрокардиограммы (ЭКГ) в 3 ч.

В 12 час. этого же дня мною была сделана ЭКГ, которая сигнализировала о том, что А.А. Жданов перенес инфаркт миокарда, о чем я немедленно доложила консультантам академику В.Н. Виноградову, проф. Егорову П.И., проф. Василенко В.Х. и д-ру Майорову Г.И.

Проф. Егоров и д-р Майоров заявили, что у больного никакого инфаркта нет, а имеются функциональные расстройства сердечной деятельности на почве склероза и гипертонической болезни и категорически предложили мне в анализе электрокардиограммы не указывать на инфаркт миокарда, т.е. так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих электрокардиограммах.

Зная прежние электрокардиограммы тов. Жданова А.А. до 1947г., на которых были указания на небольшие изменения миокарда, последняя ЭКГ меня крайне взволновала, опасение о здоровье тов. Жданова усугубилось еще и тем, что для него не был создан особо строгий постельный режим, который необ-

ходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин и пр.

29/VIII, после вставания с постели у больного Жданова А.А. повторился тяжелый сердечный приступ болей, и я вторично была вызвана из Москвы в Валдай. Электрокардиограмму в этот день делать не разрешили, но проф. Егоров П.И. в категорической форме предложил переписать мое заключение от 28/VIII и не указывать в нем на инфаркт миокарда, между тем ЭКГ явно указывала на органические изменения в миокарде, главным образом, на передней стенке левого желудочка и межжелудочковой перегородки сердца на почве свежего инфаркта миокарда. Показания ЭКГ явно не совпадали с диагнозом «функционального расстройства».

Это поставило меня в весьма тяжелое положение. Я тогда приняла решение передать свое заключение в письменной форме Н.С. Власик через майора Белова А.М., прикрепленного к А.А. Жданову — его личная охрана.

Игнорируя объективные данные ЭКГ от 28/VIII и ранее сделанные еще в школе в динамике, больному было разрешено вставать с постели, постепенно усиливая физические движения, что было записано в истории болезни.

29/VIII больной встал и пошел в уборную, где у него вновь повторился тяжелый приступ сердечной недостаточности с последующим острым отеком легких, резким расширением сердца, что и привело больного к преждевременной смерти.

Результаты вскрытия, данные консультации по ЭКГ профессора Незлина В.Е. и др. полностью совпали с выводами моей электрокардиограммы от 28/VIII-48 г. о наличии инфаркта миокарда.

4/IX-48 г. начальник Лечсанупра Кремля проф. Егоров П.И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии глав. врача больницы В.Я. Брайцева заявил: «Что я вам сделал плохого? На каком основании вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому ваш документ мне возвратили. Это потому, что мне верят, а вот вы, какая-то Тимашук, не верите мне и всем высокопоставленным консультантам с мировым именем и пишете на нас жалобы. Мы с вами работать не можем, вы не наш человек! Вы опасны не только для лечащих врачей и консультантов, но и для больного, в семье которого произвели переполох. Сделайте из всего сказанного оргвыводы. Я вас отпускаю домой, идите и подумайте!».

Я категорически заявляю, что ни с кем из семьи тов. А.А. Жданова я не говорила ни слова о ходе лечения его.

6/IX-48 г. начальник Лечсанупра Кремля созвал совещание в составе академ. Виноградова В.Н., проф. Василенко В.Х., д-ра Майорова Г.И., патологоанатома Федорова и меня. На этом совещании Егоров заявил присутствующим о том, что собрал всех для того, чтобы сделать окончательные выводы о причине смерти А.А. Жданова и научить, как надо вести себя в подобных случаях. На этом совещании пр. Егоров еще раз упомянул о моей

«жалобе» на всех здесь присутствующих и открыл дискуссию по поводу расхождения диагнозов, стараясь всячески дискредитировать меня как врача, нанося мне оскорбления, называя меня «чужим опасным человеком».

В результате вышеизложенного 7/Х-48 г. меня вызвали в отдел кадров Лечсанупра Кремля и предупредили о том, что приказом начальника Лечсанупра с 8/Х с/г я перевожусь на работу в филиал поликлиники.

Выводы:

1) Диагноз болезни А.А. Жданова при жизни был поставлен неправильно, так как еще на ЭКГ от 28/VIII-48 г. были указания на инфаркт миокарда.

2) Этот диагноз подтвердился данными патолого-анатомического вскрытия (д-р Федоров).

3) Весьма странно, что начальник Лечсанупра Кремля пр. Егоров настаивал на том, чтобы я в своем заключении не записала ясный для меня диагноз инфаркта миокарда.

4) Лечение и режим больному А.А. Жданову проводились неправильно, так как заболевание инфаркта миокарда требует строгого постельного режима в течение нескольких месяцев (фактически больному разрешалось вставать с постели и проч. физические нагрузки).

5) Грубо, неправильно, без всякого законного основания профессор Егоров 8/IX с/г убрал меня из Кремлевской больницы в филиал поликлиники якобы для усиления там работы.

7/IX-48 г.

*Зав. кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы
врач Л. Тимашук.*

Но секретарь ЦК ВКП(б) в причинах смерти Жданова почему-то не стал разбираться. Ответа от него на письмо Тимашук так и не получила. Она звонила его помощникам. Те обнадеживали: «...Письмо получено, вас вызовут». Не вызвали. Оказывается, с письмом ознакомился сам Сталин и написал на нем резолюцию «В архив», не придав информации никакого значения. Не придал значения? Или знал, что время начала спектакля еще не пришло?

Через четыре месяца, 7 января 1949 года, Лидия Феодосьевна повторно обратилась к Кузнецову с просьбой принять ее — опять безответно. И она перестала куда-либо обращаться, как бы забыв о печальном расхождении диагнозов и личных неприятностях.

Но не забыли о ней! Материалы просто ждали своего часа.

Прошло три года. Вдруг в августе 1952 года Лидию Феодосьевну пригласили в МГБ к следователю по особо важным делам, который попросил изложить все, что ей известно о лечении и смерти А.А. Жданова. Деморализованная Тимашук повторила все, о чем четыре года назад пи-

сала. Позже новый вызов в МГБ — к другому следователю, тот же вопрос и, естественно, тот же ответ. Она не понимала, зачем теперь это нужно.

А 13 января — сообщение в прессе об аресте врачей. Еще через неделю — вызов в Кремль к Г.М. Маленкову. Секретарь ЦК партии благодарил ее за то, что в свое время (!) она проявила большое мужество, выступив против медиков-светил, и что тем самым *«помогла правительству разоблачить врагов народа — «врачей-убийц»*. Тут же Маленков сообщил, что ее награждают орденом Ленина.

Тимашук пыталась возразить, что как врач ничего особенного не сделала... Но она уже была *назначена этакой медицинской Жанной д'Арк, она уже была назначена героем*.

Через месяц «Правда» в пространном очерке написала: *«Имя врача Лидии Федосеевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины... Лидия Федосеевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей»*. В этом же номере были опубликованы и стихи, написанные школьниками г. Сочи: *«Позор вам, общества обломки, за ваши темные дела, а славной русской патриотке на веки вечные хвала»*.

Важная деталь: с Тимашук следователи говорили только о медиках, лечивших Жданова (Егоров, Виноградов, Майоров, Василенко). Но по всей стране уже более двух лет шли репрессии против врачей. Уже были арестованы многие, с которыми Тимашук и знакома-то не была, — М.С. Вовси, Я.Г. Этингер, Б.Б. Коган, М.Б. Коган, А.М. Гринштейн и др., причем по делам, не связанным со смертью Жданова.

Поверила ли она в заговор? Документы не позволяют достоверно судить об этом. Давайте просто поразмышляем. А почему бы ей не поверить? Ведь правду о причине смерти Жданова знала. А тут вызывают в Кремль, благодарят и награждают. В те годы люди имели привычку верить руководителям государства.

***

Объект сгорает быстрее, а распространение возгорания становится непрогнозируемым, если поджог осуществлен с нескольких направлений.

Из руководства по диверсионной деятельности

Смерть А.А. Жданова и письмо Тимашук для всех исследователей истории Страны Советов стали *«хрестоматийными вехами»* в хронологии *«дела врачей-убийц»*. Но это не совсем правильно. Список *«жертв неправильного лечения»* был достаточно велик, и одним из первых *«умерщвленных врачами»* в этом списке был кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), секретарь МГК и МК, член и секретарь ЦК, началь-

ник Совинформбюро, начальник Главного политического управления Красной Армии, генерал-полковник А.С. Щербаков. Он умер 10 мая 1945 года на 45-м году жизни, когда профессор Р. Рыжиков позволил перенесшему инфаркт Щербакову отправиться из санатория в Москву на празднование Дня Победы. Ничего необычного, пусть даже врач и пошел *«на поводу у своего пациента»* в нарушении режима. Истории известны и не такие нарушения по капризу или прихоти *«номенклатуры Кремлевки»*. Особых разбирательств не последовало, тем более что между участниками лечения Щербакова конфликтов не возникало, расхождений диагноза не было и писем никто не писал. История болезни Щербакова перекочевала в архив. Но ненадолго.

Профессор
Я.Г. Этингер

Интерес к обстоятельствам смерти начальника Главпура возник в 1950 году, когда по обвинению в сионистском заговоре Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) 18 ноября был арестован профессор Я.Г. Этингер. Он попал в поле зрения госбезопасности еще в середине 1948 года, после того как на него был получен компромат во время допроса ответственного секретаря ЕАК И.С. Фефера. Морально и физически сломленный Фефер был готов на любые признания. Он-то и показал, что Этингер был представителем буржуазных еврейских националистов в медицине. Уже в начале 1949 году МГБ под видом ремонта телефона установило подслушивающее

устройство в доме профессора и стало терпеливо накапливать факты.

Уже на первом же допросе 20 ноября 1950 года следователь Рюмин обвинил его во *«...вредительском лечении Александра Сергеевича Щербакова»*. В результате *«следственных действий»* Этингер перенес 28 тяжелых сердечных приступов, причем 10 из них — прямо во время допроса, который даже не прерывали. Двадцать девятый приступ стал для профессора роковым, и 2 марта 1951 года он, вернувшись с допроса в камеру, *«...подошел к столу, откусил кусочек хлеба, сделал несколько шагов по направлению к двери и в бессознательном состоянии упал. Смерть наступила от паралича сердца»*.

Жена Я.Г. Этингера —
Р.К. Викторова

Это не остановило чекистов, и 16 июля 1951 года была арестована жена Этингера Р.К. Викторова. Следователь — полковник Родованский предъявил ей обвинение в том, что *«...она знала о «вредительском лечении» Щербакова»*, и потребовал признаний. Но она оказалась достаточно умной и житейски опытной, чтобы отвергнуть этот бред. Несмотря на то что ей, 62-летней женщине, не давали спать,

помещали в карцер, надевали наручники, обливали ледяной водой, добиваясь признания в том, что она знала о «*террористических действиях мужа*», признания от нее не добились. Ревекка Константиновна отчетливо понимала, что такое признание означало бы для нее только один исход — расстрел. В итоге, так ничего от нее не добившись, в марте 1952 года палачи были вынуждены ограничиться «*мягким приговором*» — 10-летним тюремным заключением. «*На всякий случай*» к такому же сроку заключения, правда не в тюрьме, а в спецлагере был осужден и приемный сын Якова Гилярьевича — студент-историк Яков.

Но вернемся к хронологии развивающихся событий.

Немного позже, кроме Этингера, по «*делу о смерти Щербакова*» были арестованы другие участники лечения партийца — заместитель директора санатория «Барвиха» Рыжиков, начальник Лечсанупра Кремля Бусалов и лечащий врач Ланг (он тоже умрет во время следствия). Их также обвинили в том, что они «*...не использовали возможности сердечной терапии, неправильно применяли сильнодействующие средства, как морфий, пантопин, симпатол, и различные снотворные и злонамеренно решили*» *встать с постели*».

Врач С. Карпай
с дочерью

Проверяя потенциальные сионистские связи Этингера, чекисты вышли на врача кабинета электрокардиографии «Кремлевки» С.Е. Карпай. Она вообще была просто находкой для следствия — ее сестра и три брата проживали за границей. Вот они — «*корни сионистского заговора!*» И 14 июня 1951 года заместитель главного военного прокурора генерал-лейтенант юстиции Вавилов санкционировал, а и.о. министра госбезопасности СССР генерал-лейтенант Огольцов утвердил «Постановление на арест» врача Центральной поликлиники Минздрава СССР Карпай Софьи Ефимовны на основании того, что «*...по имеющимся в МГБ СССР данным, Карпай С.Е. длительное время имела отношение к лечению руководителей правительства и к исполнению своих обязанностей относилась преступно-халатно. На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 146 и 158 УПК постановил: Карпай Софью Ефимовну подвергнуть аресту и обыску.*»

Символично то, что это постановление подписал «*начальник отдела «Т» МГБ СССР полковник Хват*». Да, тот самый Хват, чья фамилия стала синонимом садизма и жестокости и была приведена даже в докладе Хрущева на XX съезде.

Позволим себе подробнее остановиться на показаниях и личности врача Софьи Ефимовны Карпай, поскольку, на наш взгляд, это важно для правильной оценки роли письма Л. Тимашук во всех дальнейших событиях.

Кроме того, когда пытаются оправдать поведение иуд, оговоривших своих коллег, то обычно ссылаются на изощренно-садистские приемы сталинских следователей. И это действительно так. Многие не выдерживали и ломались — давали нужные органам показания, по которым в топку репрессий попадали следующие жертвы. Но тем большее восхищение вызывает мужество, бесстрашие, и, если хотите — чувство собственного достоинства этой хрупкой 48-летней женщины (как, впрочем, и 62-летней жены Этингера), не сломавшейся в застенках МГД, что в итоге спасло жизнь не одному арестованному.

Вот выписка из первого ночного (23.00—4.50) допроса, проведенного следователем Чеклиным.

Следователь: Почему уволилась из системы Лечсанупра Кремля?

Ответ: Действительной причины увольнения я не знаю, однако полагаю, что в этом известную роль сыграло то обстоятельство, что три мои брата и сестра проживают за границей.

Следователь: Не только это. Говорите о других причинах.

Ответ: Других, насколько мне известно, не было.

Вопрос: Неправда. В качестве кого вы работали в Кремлевской больнице?

(Карпай рассказывает, что привлекалась к медицинскому обслуживанию «особой группы» — членов политбюро.)

Следователь: Почему вас отстранили от лечения семьи Калинина?

Ответ: Я работала в качестве прикрепленного врача Калинина до 1942 года, после чего начальником Лечсанупра Кремля Бусаловым мне было объявлено, что в дальнейшем членов политбюро будут обслуживать только профессора и академики.

Следователь: Вы арестованы за проведение вражеской работы против Советской власти. Приступайте к показаниям об этом.

Ответ: Вражеской работы против Советской власти я не проводила, показывать мне нечего.

На другом допросе от 24 июня 1951 года София Ефимовна показала: «К работе я относилась добросовестно и никаких замечаний не имела. Правда, я должна показать о своих отношениях с врачом Тимашук Л.Ф., которая с первых дней моей работы в электрокардиографическом кабинете относилась ко мне с неприязнью, подавала в отношении меня заявления о том, что я даю неправильный анализ по снимкам ЭКГ. Однако каждый раз при проверке ее заявлений факты не подтверждались. Наиболее характерный случай произошел в 1948 году, когда Тимашук заявила о том, что я дала неправильное заключение по электрокардиограммам Жданова, а лечащие врачи в связи с этим организовали неправильное лечение».

Следователь (насторожился): «Откуда вам известно о заявлении Тимашук?».

Ответ: «О заявлении Тимашук мне рассказал Виноградов... Созданная комиссия подтвердила правильность моих заключений, кроме того, это также было подтверждено при вскрытии тела Жданова».

А дальше? Дальше следователи просто поинтересовались составом комиссии. А там среди участников — «убийца Щербакова» профессор Этингер, которого лично, как старого друга пригласил в состав комиссии Виноградов.

Вот оно, «связующее звено заговора» — Этингер и Виноградов! Подумать только, лечащий врач самого Сталина академик В.Н. Виноградов и «террорист» профессор Этингер «находились между собой в приятельских отношениях»! Два приятеля лечили двух партийных секретарей, и оба пациента умерли. Да это же заговор! Вырисовались «подходы» к академику Виноградову. Следователи решили активизировать «разработку» связей и окружения покойного профессора Я.Г. Этингера. Но упрямая Карпай не давала показаний о «вредительской работе» профессоров Незлина и Этингера: «Ничего не знаю, прошу поверить мне, что в преступной связи с Этингером я никогда не находилась».

Даже во время очной ставки с уже сломленным Виноградовым, когда он посоветовал ей «сознаться в ошибочном заключении» по кардиограмме Жданова, Карпай заявила: «У меня никакой двойственности нет. Я и сейчас говорю, что в первые дни, когда не было динамики электрокардиограмм, отрицать свежий инфаркт миокарда нельзя было, но в то же время типических признаков наличия его не имелось».

Упорство Софии Ефимовны привело к тому, что С.Д. Игнатъев написал И.В. Сталину докладную записку о следствии по «делу Карпай».

(Документ № 163) от 02.04.1952 года.

Совершенно секретно

Товарищу СТАЛИНУ

*Докладываю Вам, что МГБ СССР закончены следствием следующие дела.
<...>*

4. Следственное дело на КАРПАЙ Софью Ефимовну, бывшего врача Центральной поликлиники Министерства здравоохранения, 1903 года рождения, еврейку, бывшего члена ВКП(б).

Обвиняется в проведении террористической деятельности. С 1930 года поддерживала связь с особо опасным государственным преступником ЭТИНГЕРОМ Я.Г., знала об отдельных его вражеских проявлениях. Проведенной по делу медицинской экспертизой установлено, что КАРПАЙ были неправильно расшифрованы электрокардиограммы А.А. Жданова и у него не был обнаружен инфаркт миокарда, в результате чего режим лечения А.А. Жданова был нарушен. Установлено также, что в 1941 году КАРПАЙ, являясь лечащим врачом М.И. Калинина, выписала ему увеличенную в 10 раз, по сравнению с положенной, дозу стрихнина, которая не была выдана больному лишь благодаря вмешательству работников аптеки.

КАРПАЙ, отрицая наличие в ее действиях террористического умысла, заявляет, что рецепт с увеличенной дозой стрихнина она выписала М.И. Калинину по ошибке, а выводы медицинской экспертизы по электрокардиограмме А.А. Жданова считает неправильными.

Продолжать следствие по делу *КАРПАЙ* не было возможности из-за ее тяжелого болезненного состояния. Дело *КАРПАЙ* целесообразно направить на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР и осудить *КАРПАЙ* на 10 лет тюремного заключения.

Прошу Вас рассмотреть предложения МГБ СССР о мерах наказания арестованных.

С. ИГНАТЬЕВ

Отпечатано 5 экз.

Разослано:

товарищам Маленкову, Берия, секретариату МГБ СССР, секретариату следствию по особо важным делам.

Исполнитель т. Коняхин.

(ЦАФСБ РФ. Архивная коллекция составителя)

На первый взгляд кажется, что при расследовании «дела о смерти Щербакова» следствие потерпело поражение. Главный обвиняемый — Этингер умер, Карпай «не раскололась». Тупик? Но это только на первый взгляд. Не такими простыми были сотрудники доблестных «органов». Опыт, накопленный ими, был огромным. Любую неудачу они умели превратить в победу. Так и произошло. Дела о смерти Щербакова и Жданова объединили, обозначили «главного фигуранта» — академика В.Н. Виноградова, а детонатором нового дела о широкомасштабном заговоре должно было послужить письмо Л. Тимашук. Его срочно стали искать в архивах. (А может быть, и не искать, а просто заглянули в давно обозначенный запасник, где оно терпеливо ждало своего часа?)

***

Вчера в кабинете у вас видел этого индивидуума мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он — сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Здесь нам кажется уместным небольшое отступление от темы. Уместно оно потому, что смерть Этингера была использована властями для расправы над попавшим тогда в опалу по доносу коллеги-чекиста Рюмина, министром МГБ Абакумовым и его центральным аппаратом («дело Абакумова — Шварцмана»). Иуды были не только среди медиков. Иуды были, есть и, наверное, будут среди всех категорий общества.

Министр МГБ
Абакумов

В этом доносе, направленном на имя Сталина 2 июля 1951 года, следователь-садивист Рюмин сообщил: *«В ноябре 1950 года мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук, профессора Я.Г. Этингера. На допросах Этингер признался, что он является убежденным еврейским националистом, вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и советскому правительству. Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 году ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь.»*

За время «допроса», вернее, беседы с Этингером тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он — Этингер — «заведет нас в дебри». Примерно 28–29 января 1951 года меня вызвал к себе начальник следственной части по особо важным делам тов. Леонов и, сославшись на указания тов. Абакумова, предложил прекратить работу с арестованным Этингером, а дело по его обвинению, как выразился тов. Леонов, «положить на полку»...

Вот оно — истинное лицо чекиста с *«холодным сердцем»*. Да и чему удивляться? В государстве, построенном на всеобщем недоверии и погоне за *«партийно-номенклатурным пайком»* принцип *«настучать первым на ближнего»* был, есть и будет основным способом выживания и продвижения по служебной лестнице. Но забывают порой сочинители доносов старый лагерный принцип, что *«стукачей убивают первыми»*. Не знал тогда и Рюмин, какую участь ему готовило провидение. Тогда он ликовал — ему дали генеральские погоны и назначили заместителем министра.

Очередная чистка набирала обороты. Начались массовые аресты, теперь уже чекистов.

Не заставило себя ждать и очередное постановление ЦК ВКП(б), на это раз — *«О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР» (11 июля 1951 года).*

«...Министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет

МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить, безусловно, существующую, законспирированную группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства».

Абакумова взяли 14 июля 1951 года и без лишних эквивоков обвинили в «...умышленном доведении до смерти подследственного Этингера с целью сокрытия сионистского заговора».

При изучении в 90-х годах XX века архивных документов «дела Абакумова — Шварцмана» сыном профессора Этингера были обнаружены пометки, сделанные лично Сталиным: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову». И еще «он (Жданов) не просто умер, а был убит Абакумовым».

Вообще-то оценка роли Абакумова в «деле врачей» до сих пор далеко неоднозначна. По воспоминаниям «харизматичного чекиста» Павла Судоплатова, «...он (Абакумов) продолжал полностью отрицать предъявлявшиеся ему обвинения даже под пытками, «признания» от него так и не добились... Он вел себя как настоящий мужчина с сильной волей... Ему пришлось вынести невероятные страдания (он просидел три месяца в холодильнике в кандалах), но он нашел в себе силы не покориться палачам. Он боролся за жизнь, категорически отрицая «заговор врачей». Благодаря его твердости и мужеству в марте и апреле 1953 года стало возможным быстро освободить всех арестованных, замешанных в так называемом заговоре, поскольку именно Абакумову вменялось в вину, что он был их руководителем». Правда это или миф, кто знает?

Абакумову, несмотря на то, что в тюрьме он из франтоватого атлета превратился в инвалида, удалось пережить и «дело врачей», и смерть Сталина, и низвержение своего иуды-Рюмина. Но, наверное, он кому-то очень мешал. В 1954 году он был предан закрытому суду в Ленинграде, на котором виновным себя не признал, но это не помешало его расстрелять 19 декабря 1954 года в Левашовском лесу «особого назначения». (Вот какие, оказывается, были леса.)

***

Врачи не умеют лечить. Вот у нас в Грузии много крепких столетних стариков. Они лечатся сухим вином и надевают бурку.
И.В. Сталин

На основании решения ЦК «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности» 11 июля 1951 года была создана специальная следственная группа, которая просмотрела все сведения о медицинском персонале, в разное время работавшем в Лечебно-санитарном управлении Кремля. Все медики попали под агентурное наблюдение и секретное подслушивание. Были подвергнуты экспертизе истории болезней и амбулаторные карточки умерших пациентов Кремлевской больницы.

С соблюдением глубочайшей секретности сотрудниками следственной части по особо важным делам МГБ СССР с амбулаторных карт были сделаны копии. По специально разработанной схеме анонимные или с вымышленными фамилиями копии карт были разосланы фельдсвязью в различные города страны для консультаций у «рядовых врачей городских и районных больниц». (Знали бы они, чьи болезни и чью деятельность рецензируют!) После перекрестного изучения всех проверявшихся амбулаторных карт было установлено, что имела место «...целенаправленная работа по расшитыванию здоровья и обострению имевшихся заболеваний всех пациентов без исключения». В результате следователи оценили работу крупнейших медицинских специалистов страны как «совершенно неудовлетворительную».

В отчете о проверке работы Лечебно-санитарного управления Кремля было указано: «При изучении материалов на медицинских работников Лечсанупра вскрылась большая засоренность кадров этого ответственного лечебного учреждения лицами, не внушающими политического доверия по своим связям с антисоветскими элементами и прошлой враждебной деятельности». В результате такого медико-политического чекистского исследования был сделан вывод, что в Лечсанупре «...не создавались необходимые условия для надежного лечения больных, не было обеспечено добросовестное лечение и необходимый уход... за... руководителями зарубежных компартий и стран народной демократии, в том числе за товарищами Токуда, Торезом и Димитровым».

Особое внимание следствия первоначально было акцентировано на изучении обстоятельств смерти А.С. Щербакова и А.А. Жданова. В выводах комиссии прозвучало категоричное обвинение врачам. «Лечение тов. Щербакова, — заявил С.Д. Игнатъев, — велось рассчитано преступно». Обратим внимание на оценку лечения — прямо строка из приговора: «...рассчитано преступно».

Основным обвиняемым во «вредительском лечении» этих коммунистических сановников был признан академик В.Н. Виноградов. Это

было как «...гром среди ясного неба», так как Владимир Никитич принадлежал к «касте небожителей». С 1940 года он был ведущим специалистом группы врачей, консультировавших самого тов. Сталина. Кроме того, напомним, что академик долгие годы был медицинским экспертом в судебных процессах и сам привык вершить судьбы людей. (Вспомните хотя бы его обвинительное заключение своему учителю — профессору Плетневу). Хотя... «ничто не вечно под луной».

Кремлевский лейб-медик был человеком не только очень влиятельным, но и весьма богатым. Образ его жизни отличался невиданными для советского человека изысканностью и шиком. Он полностью соответствовал принципу «*When in Rome do as the Romans do*» («Живешь в Риме — живи как римлянин»). При обыске у него нашли немало золотых монет царской чеканки, драгоценности, бриллианты, коллекцию первоклассной живописи, антиквариат и даже (неслыханное по тем временам) валюту — доллары США. О «размахе» академика говорит и то, что он держал собственных призовых лошадей на ипподроме. И это через менее чем 7 лет после войны. Так что недоброжелателей у Виноградова хватало.

Теперь же эксперт превратился в главного обвиняемого. Сопrotивлялся он недолго. Его 18 ноября 1952 года просто ознакомили с «заявлением следствия» (ЦА ФСБ РФ. Архивная коллекция. Копия, заверенная печатью МГБ СССР):

«Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда идут корни ваших преступлений, на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаться до конца, вы можете изложить свои показания в письме на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполняет свои обещания».

Вот так — «уже можно повесить». И Виноградов стал сознаваться в своих грехах, а заодно и в «преступлениях подельников».

Из протокола допроса В.Н. Виноградова от 18 ноября 1952 года

Виноградов: «25 июля 1948 года электрокардиограммы, снятые врачом КАРПАЙ, не были типичными для инфаркта миокарда, в связи с чем я, ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО, МАЙОРОВ и КАРПАЙ после обсуждения между собой приняли решение инфаркт миокарда не диагностировать. Не буду скрывать, что главная вина за это ложится на меня, так как в определении характера болезни А.А. Жданова мне принадлежало решающее слово.

ВОПРОС: *Врач ТИМАШУК, снимавшая у товарища Жданова А.А. электрокардиограммы после КАРПАЙ, сигнализировала вам, что у больного инфаркт миокарда и вы своим лечением наносите ему непоправимый вред?*

ОТВЕТ: *Такой сигнал был.*

ВОПРОС: *Как вы поступили?*

ОТВЕТ: *Мы не послушали ТИМАШУК.*

ВОПРОС: *Больше того, вы постарались ее дискредитировать.*

ОТВЕТ: *Признаю. Я, ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ 28 августа 1948 года, накануне второго сердечного приступа, случившегося у больного А.А. Жданова, в ответ на заявление ТИМАШУК, что лечение А.А. Жданова ведется неправильно, коллективно обвинили ее в невежестве и снова отвергли диагноз инфаркта миокарда. Тогда же мы настояли на том, чтобы ТИМАШУК не писала об инфаркте в заключении по электрокардиограмме. После смерти А.А. Жданова мы 6 сентября 1948 года устроили специальное совещание, на котором, опираясь на данные вскрытия тела А.А. Жданова, сделали все, чтобы дискредитировать ТИМАШУК и доказать, что она была не права.*

ВОПРОС: *В клиническом диагнозе 20 августа 1948 года вы записали: «Принимая во внимание клиническую картину и данные повторных электрокардиографических исследований, необходимо признать наличие... миомалятических очагов». Нет логики. Вы отвергали инфаркты миокарда и в то же время в завалуированной форме признали их, коль указали на очаги миомаляции.*

ОТВЕТ: *Мне сказать в оправдание нечего. Эти факты избочличают неопровержимо. Но тем не менее я все-таки настаиваю, что лично в моих действиях нет злого умысла. Было так. 25 июля, недооценив электрокардиографические данные, я совершил медицинскую ошибку. 28 августа, когда вторично электрокардиограммы, снятые врачом ТИМАШУК, подтвердили, что у А.А. Жданова инфаркт миокарда, а 29 августа с больным случился второй сердечный приступ, я понял, что моя ошибка привела к неправильно-му лечению А.А. Жданова и грозит больному трагическими последствиями. Начиная с этого момента я стал делать все для того, чтобы скрыть свою ошибку, выгородить себя и принимавших участие в лечении А.А. Жданова ЕГОРОВА, ВАСИЛЕНКО, МАЙОРОВА и КАРПАЙ, для которых не было секретом, что мы все виновны в преждевременной смерти А.А. Жданова.*

ВОПРОС: *Значит, пока вы признаете, что преступный умысел появился в ваших действиях после того, как врач ТИМАШУК избочличила вас в неправильном лечении товарища Жданова А.А.*

ОТВЕТ: *Да. Я признаю, что начиная с 28 августа все наши действия проводились с умыслом и были рассчитаны на то, чтобы скрыть, что по нашей вине жизнь А.А. Жданова была сокращена. Именно с этой целью в клиническом диагнозе, составленном мною, ВАСИЛЕНКО, ЕГОРОВЫМ и МАЙОРОВЫМ, была записана двусмысленная формулировка о миомаля-*

тических очагах, затем по инициативе ЕГОРОВА было создано совещание, на котором мы пытались совместными усилиями дискредитировать врача ТИМАШУК. ЕГОРОВЫМ вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы инфаркты миокарда не были обнаружены после вскрытия тела покойного А.А. Жданова.

ВОПРОС: Вами лично, что еще предпринималось?

ОТВЕТ: 31 августа 1948 года, стремясь выбить из рук врача ТИМАШУК ее основной козырь — электрокардиографические данные, я провел заочный консилиум с участием профессоров ЗЕЛЕНИНА, ЭТИНГЕРА и НЕЗЛИНА, которые дали нужное мне заключение.

<...>

ВОПРОС: Будем избочивать вас дальше. Вы уже признались, что по вашей вине не только жизнь товарища Жданова А.А., но и жизнь товарища Щербакова А.С. была сокращена. Так это?

ОТВЕТ: Да, я это признал. При наличии у больного А.С. Щербакова тяжелого заболевания, обширного инфаркта миокарда, осложненного аневризмой сердца, я и привлекавшиеся к его лечению ЭТИНГЕР и ЛАНГ были обязаны создать для него длительный постельный режим. Мы же этот режим до конца не выдержали: в последний период жизни А.С. Щербакова мы разрешили ему излишние движения, которые пагубно отразились на здоровье больного. Особенно на этом настаивал ЛАНГ, который как-то даже заявил больному А.С. Щербаков: «Если бы вы были у меня в клинике, я бы вас уже выписал». Это создало у больного А.С. Щербакова ложное впечатление о том, что он может разрешить себе большую нагрузку, чем позволяло состояние его здоровья. Если к этому прибавить еще тот факт, что больной А.С. Щербаков 8 и 9 мая 1945 года совершил две длительные поездки на автомашине, и дежурившие при нем врачи РЫЖИКОВ и КАДЖАРДУЗОВ не воспрепятствовали этому, то станет очевидным, что по вине нас, врачей, жизнь А.С. Щербакова была сокращена».

Начиная с 21 ноября 1952 года сломленный Виноградов стал давать показания о руководящей и направляющей роли разведывательной службы США и международных сионистских организаций в формировании «заговора кремлевских врачей». Именно от этих «заокеанских хозяев» он, главный терапевт Министерства вооруженных сил СССР (был им до 1949 года), получил якобы задание вывести из строя командный состав Советской Армии. По его показаниям были арестованы профессора М.С. Вовси, М.М. Коган и Я.С. Темкин.

Но следователям военачальников было мало. Тогда Виноградов сообщил, что М.Б. Коган, умерший от рака 26 ноября 1951 года (брат М.М. Когана), интересовался состоянием здоровья семьи Сталина. В конце-концов договорились до того, что «...в июле 1952 года планировалось убийство Сталина, Берии и Маленкова».

Профессор
М.С. Вовси

Профессора С. Незлин и М. Коган

Профессор
Я.С. Темкин

Вот так у следствия и появлялись все новые обвиняемые. «Дело» росло как снежный ком.

***

Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти...

Евангелие от Матфея 26: 59

Но вернемся к «убийцам Щербакова и Жданова».

Всех арестованных обвинили в том, что они «...не использовали возможности сердечной терапии, неправильно применяли сильнодействующие средства». Указывалось, что Щербакову после инфаркта «...злонамеренно разрешили вставать с постели», а «...лечение товарища Жданова велось также преступно».

Были арестованы и все врачи, причастные к лечению Жданова в последние годы его жизни, — профессора Егоров, Василенко, врач Майоров. (Врач Карпай, как мы указывали выше, была арестована раньше.) Арестован был и патологоанатом Федоров, обвиненный в том, что он «...умышленно скрыл сведения об инфаркте у Жданова».

Вот когда «выстрелило» письмо врача Тимашук!

Сделаем небольшое отступление. А можно ли было вообще надеяться на благоприятный исход лечения морально и физически разложившегося Жданова? Пройдут годы, и Никита Сергеевич Хрущев в своих мемуарах напишет: «*Расскажу о так называемом «деле врачей»... У Жданова давно было подорвано здоровье. Не знаю точно, какими недугами он страдал. Но одним из недугов был тот, что он утратил силу воли и не мог себя регулировать, когда надо было остановиться в питейных делах...*» Вот такая характеристика второго человека в партии! Но это прозвучало потом. На XX съезде.

А тогда, в 51-м, следствие набирало обороты, но неожиданно столкнулось с острой нехваткой доказательств. Вспомнили тезис Вышинского, что *«...признание есть царица доказательств»*, и в ход были пущены излюбленные и *«эффективные»* приемы ведения допросов. Следователь М.Д. Рюмин, непосредственно занимавшийся врачами, позже сообщал, что его *«куратор»* из ЦК ВКП(б) С.Д. Игнатъев дал указание *«...бить их смертным боем»*. Более того, Рюмин жаловался, что его *«незаслуженно обвиняли»* в том, что он недостаточно применял специальные методы следствия. В письме Сталину, направленному в конце ноября 1951 года, он, оправдываясь, писал: *«...Я признаю только то, что в начале следствия не применял крайних мер, но эту ошибку после соответствующего указания, я исправил»*.

Следователи, сменяя друг друга на *«конвейере»*, жестокими пытками добивались от арестованных вынужденных признаний в вымышленных преступлениях. Так, П.И. Егоров признался в том, что *«...злоумышлял против членов семьи тов. Сталина»*. В результате этого *«...Василий Сталин, страдающий алкоголизмом, лечился преступно долго»*, а Светлана Сталина *«...имела по вине обвиняемого токсикоз и поэтому родила ослабленную дочь Катю»*.

Профессор М.С. Вовси признался в том, что *«...имел намерение вывести из строя А.А. Андреева и этим самым ослабить партийную работу на селе»*(Андреев был наркомом земледелия), а также в том, что *«...недостаточно настойчиво лечил у Г.М. Димитрова цирроз печени, а акцентировал свое подлое внимание лишь на диабете, эмфиземе легких и атеросклерозе»*.

Сегодня это звучит, как бред. А тогда?

По материалам *«дела врачей»* С.Д. Игнатъев в ноябре 1952 года направил Сталину подробный отчет. Изучение этого документа позволяет проследить историю расследования и оценить официальную позицию следствия. А следствие вытащило из папочек в запасниках накопленный *«компромат»* и припомнило все. *«Собираются, притаиваются, наблюдают за моими пятами, чтобы уловить душу мою... Приготовили сеть ногам моим, выкопали передо мною яму...»* (Псалтырь 55: 7; 56: 7).

Отчет С.Д. Игнатъева гласил: *«Следствием установлено, что Егоров и Федоров — морально разложившиеся люди, Майоров — выходец из помещичьей среды, Виноградов — примыкавший в прошлом к эсерам, Василенко — скрывший с 1922 года свое исключение из ВКП(б) и связанная с ними еврейская националистка Карнай — все они составляли вражескую группу, действовавшую в Лечсанупре Кремля и стремились при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь»*.

Все арестованные дали показания (а читателю уже известно, какими способами эти показания получали) о том, что *«...они плохо относились к Советской власти, что они уже несколько лет существуют как организованная террористическая группа»*. Руководитель этой группы — профессор П.И. Егоров, *«...враждебно относясь к партии и Советской власти, действо-*

вал по указаниям врага народа А.А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова».

Таким образом, «дело врачей» непосредственно оказывалось связанным с «ленинградским делом». В очередной раз дело против врачей превратилось в дело против их пациентов. Или наоборот?

***

Качество лечения высшей сановной бюрократии в СССР было, мягко выражаясь, далеко не идеальным... Вуродно в организованном обществе порокам подвержены все его звенья. И здравоохранение, пусть даже элитарное, не исключение.

Г. Костырченко. В плену у красного фараона

Что же такого произошло в государстве, что после 3-летней паузы у МГБ возник интерес к событиям на Валдайской даче?

Здесь уместно на некоторое время оставить в покое медицинские интриги, а сделать небольшой экскурс в историю СССР. Особенностью идеологической доктрины 50-х годов XX века в Стране Советов было то, что Сталину и его ближайшему окружению повсюду стали мерещиться сионистские заговоры, организуемые якобы американскими спецслужбами с целью покушения на территориальную целостность (соборность) страны. И первым этапом этой диверсии, по сценарию Сталина, должно было стать физическое устранение советского руководства руками «завербованных врагами «кремлевских врачей». (Ох, как это напоминает уже апробированный в конце 30-х годов сценарий борьбы с троцкистами).

Собрав 1 декабря 1952 г. членов бюро Президиума ЦК, Сталин заявил, что «...среди врачей много евреев-националистов, а любой еврей-националист это — агент американской разведки». Он разразился резкой критикой в адрес чекистов, у которых «...притупилась бдительность», да и вообще они «...сидят в навозе».

Завершая свое выступление, Сталин принялся запугивать членов бюро, говоря, что если бы не он, то помимо секретарей ЦК А.С. Щербакова и А.А. Жданова, многие из тех, кто слушает его сейчас, были бы уничтожены «убийцами в белых халатах». Войдя в роль спасителя беспечных и неразумных соратников, диктатор с чувством торжествующего превосходства подытожил: «Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов». Тиран обозначил врага. Врагом вновь были названы врачи и чекисты.

Желаемый вариант финала «дела врачей» Сталин продемонстрировал советскому номенклатурному истеблишменту уже 3 декабря, когда в